

М.И. Пантыкина

ПОНЯТИЕ «СУБЪЕКТ ПРАВА»: ОПЫТ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ

Ставится задача переосмысления традиционной трактовки понятия «субъект права» с помощью феноменологической методологии. Для ее решения критике подвергаются принципы, используемые для определения понятий в классической юриспруденции. Затем, применяя феноменологическую редукцию, обнаруживается исходное смысловое основание субъекта права – субъективность. Метод дескрипции позволил выявить идентифицирующие характеристики (дескрипторы) субъекта права. Проверка правомерности полученных выводов производится за счет их экстраполяции на исследование понятия «права человека».

Ключевые слова: Э. Гуссерль; А. Райнах; феноменология права; субъект права; субъективность; права человека.

О выборе методологических оснований исследования понятия «субъект права»

В последние десятилетия содержание понятия «субъект права» стало предметом многочисленных исследований¹. Но как только возникает необходимость установления содержательных и логических реляций между понятием субъекта права с такими сопряженными понятиями, как «лицо», «правовая личность», «правосубъектность», «субъективное право» или «права человека», оно по-прежнему утрачивает определенность и требует введения дополнительных уточняющих признаков. Кроме того, распространена точка зрения, согласно которой существует вполне сформировавшаяся общая теория субъекта права, но широкое применение понятие субъекта права получило только в гражданском праве². Выявленные противоречия позволяют поставить под сомнение как завершенность исследований понятия субъекта права, так и наличие в достаточной степени разработанной теории субъекта права. Более того, возникают вопросы, касающиеся методологических оснований разрешения данных противоречий:

1. Насколько сложившаяся ситуация с понятием субъекта права типична для правовой науки?

2. Можно ли в исследовании данного понятия ограничиться классическими методологическими средствами?

Приступая к ответам на них, следует отметить, что юриспруденцию принято считать одной из немногих социально-гуманитарных наук, для которой необходимость обеспечения логической выверенности и системности используемых понятий не только связана с общенаучными принципами построения ее теории, но и обусловлена специальными требованиями юридической техники. Как подчеркивал Ж.-Л. Бертель, «первый фактор исполнимости права заключается в удобоваримости определений. Право, использующее недостаточно корректные определения, не будет исполнимым в том смысле, что в процессе его применения будут возникать сомнения и споры, порождающие юридическую необеспеченность» [3. С. 342–343]. Система универсальных и общепринятых теоретических конструкций³ (или юридическая догма) образует ядро правовых доктрин, на которые юристы ориентируются в своей практике.

Одновременно с этим все большую значимость приобретают правовые теории, ставящие под сомнение содержательную и формальную «незыблемость» правовых понятий и утверждающие невозможность абсолютной регламентации правовой жизни с помощью понятий. Так, в концепции неописательного (перформативного) употребления юридического языка Г.Л.А. Харта доказывается мысль о том, что правовые понятия обладают свойством отменяемости, т.е. «подвержены аннулированию или “отмене” по ряду различных обстоятельств, но сохраняются нетронутыми, если такие обстоятельства не наступили» [5. С. 248]. Это означает, что если не выявлены необходимые и достаточные условия употребления правовых понятий, то правила формальной логики должны быть скорректированы в соответствии с прагматикой юридического языка. Теории, подобные концепции Г.Л.А. Харта⁴, позволяют выявить антиномии юридического языка, объяснить неустраимую многозначность правовых понятий, а также указывают на необходимость применения неклассических подходов к исследованию содержательно-генетических оснований конституирования понятий.

Одним из таких подходов является феноменологическая концепция науки Э. Гуссерля, направленная на исследование сущности научной рациональности и выяснение специфики классической и неклассической наук [11. Р. 14]. Созданная им феноменологическая логика была направлена на преодоление кризиса европейской классической науки и создание методологических оснований для развития неклассической науки. При этом, по замыслу Гуссерля, различия между ними не должны исключать общее требование: гарантировать «ясное и достоверное познание в любом возможном и требуемом смысле» [12. С. 26] и обеспечивать получение объективного знания. В частности, предложенный им метод прояснения понятий призван восстановить системность науки за счет строгого следования порядку вещей, а также прояснения и выбраковки расплывчатых понятий, которые смешиваются, не достигая ясности [12. С. 20–21].

На первом этапе «ревизии» научных понятий, как утверждал Э. Гуссерль, следует признать, что они являются чистыми предельными гештальтами, конструируемыми объективно-истинный мир науки. Несмотря на то что ее история начинается с изобретения методов решения практических задач, постепенно была

утрачена связь между научными понятиями и чувственными полнотами конкретно-созерцаемых гештальтов жизненного мира [13. С. 77]. Зато последовательное применение идеализации, конструирования новых чистых гештальтов, их логическое определение и операциональное языковое использование создали рабочее поле бесконечного и все же замкнутого в себе мира идеальных предметностей науки [13. С. 44]. В частности, как отмечал Э. Гуссерль, создатель модели европейской классической науки Галилей «был весьма далек от мысли, что геометрии как ветви универсального познания сущего (философии) когда-нибудь потребуется и даже станет в корне важно проблематизировать геометрическую очевидность, поставить вопрос о том, «как» она возникает» [13. С. 47].

Второй этап феноменологического исследования научных понятий предполагает проблематизацию их всеобщности и логической состоятельности. Для этого необходимо восстановить в их содержании то, что было утрачено в результате применения методики объективирующего определения. Как пишет Э. Гуссерль, здесь речь должна идти не о том, что позитивно-научный метод «обманывает нас, а его достижения суть одна лишь видимость, а о том, что эта очевидность сама является проблемой; что объективно-научный метод покоится на никогда прежде не исследованном, глубоко скрытом субъективном основании, философское прояснение которого только и выявляет истинный смысл достижений позитивной науки и, коррелятивно, истинный бытийный смысл объективного мира – и именно как трансцендентально-субъективный смысл» [13. С. 141]. Это означает, что изначальные очевидности жизненного мира предшествуют теоретико-логическим конструкциям науки и образуют ее подлинный фундамент. А объективно-научные методы оказываются производными от непосредственного субъективного опыта, предполагающего многообразие, изменчивость способов данности явлений и придания им значений, а также возможность различных их интерпретаций. Субъект и конститутивная деятельность его сознания предстают в этом контексте как последние источники всех образований познания: на уровне пассивного синтеза формируются интернациональные предметности, а активный синтез отвечает за порождение понятий и категорий.

На третьем этапе можно приступить собственно к «восстановлению» содержания научных понятий и сделать то, чем никто всерьез не занимался. То есть «нужно от фундаментальных научных понятий пойти назад к содержаниям “чистого опыта”, радикально отложить в сторону все презумпции точной науки, все свойственные ей мыслительные выкладки – т.е. рассмотреть мир так, как если бы этих наук еще не было, именно как жизненный мир, который в жизни при всей своей относительности удерживает единство своего вот-бытия и всегда бывает заранее очерчен в ней в плане значимости» [13. С. 287].

Итак, представленные этапы феноменологического анализа происхождения научных понятий не только доказывают эвристическую значимость методологии Э. Гуссерля для феноменологического пере-

осмысления понятия «субъект права», но и образуют пункты плана решения этой задачи.

Понятие «субъект права» в классической юриспруденции: проблематизация исторических и логических оснований

Критика исторических и логических оснований трактовки понятия субъекта права в классической юридической науке является, как было показано выше, необходимым этапом феноменологического исследования данного понятия. С этой целью обратимся к таким базовым научным подходам, как принцип историзма и формально-логический метод. Первый из них предполагает выяснение конкретно-исторических условий возникновения понятия субъекта права и уточнение его этимологии. Анализ научной литературы показывает наличие множества гипотез решения этих задач. Так, Н.Л. Дювернуа утверждал, что традиция использования понятия субъекта права возникла еще в римском праве [14. С. 88]. Другой точки зрения придерживался Г. Дернбург, который доказывал, что «права в субъективном смысле существовали в истории гораздо раньше, чем сложился сознательный государственный порядок. Они имели свое основание в личности человека и в том уважении, которого ему удалось добиться по отношению к своему лицу и имуществу» [15. С. 100–101]. Историческая школа права, а затем и позитивизм XIX в. развивали представление о том, что «сначала появляются субъективные права, в первую очередь собственность – прототип субъективного права, хотя и выступающий в виде первичного присвоения; затем появляется объективное право как государственный порядок, защищающий, признающий и гарантирующий субъективные права...» [16. С. 454]. Однако идея исторической первопорядковости правового субъекта противоположна позиции, в соответствии с которой доминирование коллективных ценностей и величие объективного права позволяют определить субъект права как искусственной продукт творчества объективного права [17. С. 574].

Наличие связи исследуемого понятия с институтом частной собственности обнаруживал Г. Кельзен, который утверждал, что понятия «субъект права», «лицо» и «субъективное право» содержательно подогнаны под собственника и являются порождением фактов гражданско-правовых договоров, а не результатом самоопределения индивидов в области права [16. С. 454–455]. Поскольку истоки гражданского права лежат в римском праве, то можно предположить содержательно-логическую связь между понятием субъекта права с понятием лица, широко используемого римскими юристами. В свою очередь, данная позиция не совпадает с выводами исследований древних российских источников права, в которых понятие субъекта права не обнаруживается. Более того, как писал М.Ф. Владимирский-Буданов, «в литературных и законодательных памятниках с древнейших времен встречаются переводные термины: “лицо” с греч. πρόσωπον и “особа” с лат. Persona, но из них первый означает не лицо в нашем смысле, а напротив, отри-

цание достоинства лица, а именно один из видов рабства... В русских памятниках... лицом называется раб-пленник или вещь...» [18. С. 373]. Такая интерпретация понятия физического лица нашла отражение в древнерусском семейном и вещном праве.

Еще одна точка зрения на происхождение понятия субъекта права связана с деятельностью средневековых юрисконсультов [19. С. 53–55], которые объединяли с помощью этого понятия исключаящие друг друга понятия физического лица и корпорации. «Конфликт» значений этих понятий был очевиден для римских юристов. Им была чужда мысль о том, что коллегии, являвшиеся наряду с корпорациями прообразами юридического лица (*res inanimate, persona ficta*), могут рассматриваться как особи, имеющие душу и личную правоспособность. Зато такая «фикция» нужна была юрисконсультам XIII в., чтобы найти примирение этой обособленной гражданской личности классического мира со своей действительностью. Такова основа канонического построения личности в праве, вполне отличная от римской практической и их культурной основы для понятия гражданской личности» [20. С. 532].

На версию еще более позднего возникновения понятия субъекта права косвенно указывает В.Е. Чиркин, который считает, что понятие «юридическое лицо» возникло в немецкой литературе в первой половине XIX в. и тогда же стало использоваться в законодательстве: «Можно полагать, что впервые на уровне кодификации формулировка “юридическое лицо” появилась в Германском гражданском уложении 1896 г.» [21. С. 17].

Итак, отсутствие однозначных свидетельств о происхождении понятия «субъект права» дает основание утверждать, что оно не является «изобретением» позитивного права, отражающим тенденции развития гражданско-правовых отношений. Думается, что источник его происхождения – необходимость идеологического разрешения конфликта, имманентно присущего всем правовым нормам: с одной стороны, нормы должны гарантировать соблюдение прав отдельному человеку, а с другой – форма их предоставления может быть только коллективной, нивелирующей притязания частного лица с помощью вменения обязанностей. Как следствие, идеологический спор между индивидуализмом и коллективизмом предопределил возникновение вопроса о правах субъектов [3. С. 26–27], а также проявился в постоянном изменении содержания понятия субъекта права в контексте развития прав человека.

Может возникнуть вопрос: почему в результате селекции понятий была выработана терминологическая конструкция «субъект права», заменившая имеющее глубокие исторические корни понятие «лица»? Думается, что ответ на него состоит в том, что в классической научной картине мира гносеологические позиции принято обозначать понятиями «субъект» и «объект». Поэтому, соблюдая традиции классического научного дискурса, понятие субъекта права изначально инкорпорировано в структуру субъективного права и противопоставляется государственному порядку как объективному праву.

Итак, анализ истории формирования понятия субъекта права позволяет определить его в качестве понятия с открытым содержанием и утверждать непродуктивность применения к его исследованию ранее заявленного формально-логического метода. Многозначность понятий субъекта права⁵, абстракции и эквивокции, возникающая в результате его использования за пределами гражданского права⁶, а также неустрашимость его отождествлений с понятиями правосубъектности, правоспособности, правовой личности, правового статуса, лица и т.д.⁷ доказывают его отменяемость. Способность порождения ризомной логической среды приводит к тому, что любые попытки определить понятие субъекта права средствами формальной логики приводят лишь к созданию новых понятий, которые в результате их использования утрачивают связь с исходным понятием. Поэтому следует признать справедливым вывод Н.В. Андрианова о том, что «субъект права... не является операционально-замкнутой системой, поскольку операционально связан и с системой норм, и с системой правоотношений, и с системой нормотворчества, и с системой правопонимания (-ий), и, разумеется, с культурно-историческим контекстом» [25. С. 369].

Горизонты понятия «субъект права» в феноменологии права

Проверка применения таких классических методов научного познания, как принцип историзма и формально-логический подход к исследованию понятия субъекта права показала их ограниченность. Однако было бы необоснованным преувеличением считать вслед за Г. Еллинеком и Г.Ф. Шершеневичем, что это понятие является настолько абстрактным, что наполнение его изначально «пустого» содержания зависит от объективного права⁸. Для выхода из проблемной познавательной ситуации необходимо восстановить утраченные смысловые измерения понятия субъекта права. Прежде всего следует воспользоваться феноменологической редукцией и отказаться от того, чтобы считать данное понятие «изобретением» классического позитивного права⁹. Затем следует признать, что его содержание является темпоральным, т.е. обусловленным движением мыслей участников правовых отношений и фактическими констатациями тех или иных положений дел. Доказательства этих утверждений содержатся в наследии А. Райнаха и Н.Н. Алексеева, а также немногих других представителей феноменологии права.

Так, Адольф Райнах обращается к понятию субъекта права в работе «Априорные основания гражданского права»¹⁰ в контексте исследования обещания как априори договорных отношений. Как отмечал А. Райнах, реализация обещания предполагает наличие правовых субъектов¹¹, которые вместе и одновременно должны осознать, что возникшая между ними связь позволяет одному из них что-то требовать, а другому вменяется обязательство нечто выполнять. Осознание этой связи и ее последствий является основной характеристикой субъекта права,

которая детализируется А. Райнахом с помощью дополнительных параметров. Во-первых, специфика субъекта обязательства и субъекта требования определяется различиями отношений к содержанию обещания: «В то время как обязательства по своей сущности могут относиться лишь к собственному действию – независимо от того, наличествуют ли они абсолютно или относительно, – применительно к правам мы должны различать два случая. Относительные права могут относиться лишь к чужому действию, абсолютные же, напротив, лишь к своему собственному» [27. С. 167].

Во-вторых, субъекту права должно быть присуще осознание значимости (ценности) собственных обязательств или требований, которая проявляется в нравственном обосновании права на развитие собственной личности и требования помощи. Это предполагает то, что «существование образа действий определенного лица, каковое составляет содержание обязательства этого лица, надлено нравственной правотой само по себе или вследствие правоты других, связанных с ним положений дел» [27. С. 168].

В-третьих, субъект права является деятельностным Я, так как «любое обязательство заключается в будущем действии [*Verhalten*] его носителя, безразлично, заключается ли это действие в деянии, недеянии или претерпевании» [27. С. 165]. Конечной же целью действий субъекта права является адресат обязательства, т.е. обладатель соответствующего требования.

К феноменологическому прояснению сущности деятельностного субъекта права А. Райнах обращался неоднократно. В результате им была представлена дескрипция последовательности конструирования правового деятеля. «Источником энергии» деятельностного Я¹² следует считать спонтанные акты, производные от внутренних деяний субъекта. Они проявляют себя сразу же, как только субъект обращается к какой-либо вещи в акте интенциональности, который затем преобразуется в формирование намерения. Будучи «точечным переживанием», данный акт стремится перейти в более определенное состояние – обладание намерением. А на основе намерения совершается последний внутренний акт – принятие какого-то решения. Как подчеркивает А. Райнах, перечисленные акты могут реализоваться как чисто внутренние деяния, т.е. без изъясления вовне. Но социальные акты, к которым относится обещание, нуждаются в том, чтобы им вняли, поэтому они направлены на другое лицо и имеют целью закрепиться в его душе [27. С. 176].

Дальнейшее развитие концепции деятельностного Я приводит А. Райнаха к выводу о том, что в отличие от нравственного субъекта, для которого обязательства и требования имеют безусловный характер, субъект права обладает определенной свободой, так как для него они возникают и исчезают благодаря спонтанным социальным актам. На этот аспект априорной теории права обращал внимание Х. Конрад-Мартиус, который утверждал, что А. Райнах впервые дал феноменологическое пояснение странным, на первый взгляд, следствиям, которые вытекают из акта общения. Так, «обещая кому-то сделать

что-нибудь, я отказываюсь в определенном отношении и определенном смысле от личной свободы. ...Я персонально предоставляю себя этому лицу в этом определенном отношении и определенном смысле» [29. С. 26]. Однако это самоограничение и есть чистая свобода, так как «на это способно только лицо как таковое, ибо только оно по отношению к самому себе располагает свободой трансцендировать самого себя!» [29. С. 26]. Кроме того, благодаря присущей правовому субъекту свободной трансцендентной субъективности он обладает юридической силой производить, изменять обязательства и требования, а «право на отказ с несомненной ясностью дает нам пример права на собственный образ действий, относящихся к праву» [27. С. 231].

Мысль А. Райнаха о том, что самоопределение правового субъекта обладает модусом свободы, находит развитие в феноменологии права Н.Н. Алексеева. Но в отличие от Райнаха, для которого свобода имманентна возможности «интеллектуально усматривать логические последствия сделанного обещания, достигая тем самым познания некоторых априорных истин, обнаруживающих логическую необходимость вытекающих из обещания последствий» [2. С. 69], Н.Н. Алексеев дополняет ее экзистенциальным измерением. В частности, он выделяет две ипостаси субъекта права: быть правовым деятелем и быть признанной и охраняемой государством ценностью. Как правовой деятель он демонстрирует осмысленное поведение, основанное на способности единолично устанавливать, реализовывать, переживать и осуществлять связь между правомочиями и правообязанностями [2. С. 85–86]. Однако будучи одновременно правовой ценностью, субъект права не может быть носителем обязанностей, так как это «...скорее означает нечто противоположное: “быть средством для выполнения некоторой цели”, “исполнять некоторое заданное назначение”, “служить какой-то ценности”» [2. С. 86]. Думается, синергия этих в некоторых случаях разнонаправленных ипостасей субъекта права достигается свободным образом в таких актах трансцендентной субъективности, как самосознание и самоопределение¹³.

В соответствии с рассуждениями А. Райнаха и Н.Н. Алексеева можно сделать вывод о том, что любое логически выверенное определение понятия субъекта права будет недостаточным и умножающим сущности. Все это дает основание предположить, что исследуемое понятие является не фактическим, а конститутивным, производным от возможных актов осмысления предметностей права. Кроме того в ходе анализа предложенных феноменологических концепций обнаружилась необходимость соотношения понятия субъекта права с понятием субъективности, включающей в себя данности правового субъекта в качестве аспектов его деятельности. Разумеется, речь не идет о подмене понятия субъекта понятием субъективности, а о восстановлении подлинного смысла первого понятия с помощью второго. Для подтверждения того, что такой подход возможен и необходим, обратимся к феноменологии Э. Гуссерля.

Тематика субъективности в феноменологии Э. Гуссерля как основание дескрипции субъекта права

Необходимо обратить внимание на то, что в трудах Э. Гуссерля практически не используется понятие субъекта. Это объясняется тем, что данное понятие, а также связанные с ним понятия человека, личности, индивида и т.д. входят в словари объективных и позитивных наук, в которых эти понятия трактуются как предметности с коннотациями бытийной значимости и естественного опыта. С позиции феноменологии важно прояснение значений не только в словесном, но и эйдическом мышлении. Поэтому в результате применения феноменологической редукции к понятию человека «возникает переход от эмпирии к царству чистых возможностей как высшему принципиальному единству чистой идеи одушевленного, телесно-духовного существа вообще» [30. С. 120]. Эта чистая идея «существа» обозначается Гуссерлем как Я, которое уже не является тем человеком, который «обнаруживает себя благодаря естественному опыту своей собственной данности в качестве человека, как и не есть тот человек, который при абстрактном ограничении чистым составом внутреннего, чисто психологического опыта своей собственной данности обнаруживает свой собственный чистый *mens sive animus sive intellectus*, или душу, выделенную и постигнутую в себе» [31. С. 39–40]. В отличие от «классического» субъекта феноменологическое Я представляет собой единство сложного и постоянно изменяющегося многообразия проявлений самого себя. Это и есть определяющая причина необходимости введения понятия субъективности в тематическую область Я.

Субъективность понимается Э. Гуссерлем как форма жизни сознания, благодаря которой «получает свой смысл и свою бытийную значимость весь мир и я сам как объект, как сущий в мире человек» [32. С. 349]. Она является первичным источником смыслов, заполняющих «зияющую пропасть» (Э. Гуссерль) между сознанием и реальностью. Хабитуальные особенности сознания, мыслительные акты и образованные ими процессы, т.е. все то, что определяет субъективность, должны быть осмыслены как данности Я, а затем спроецированы на субъекта. Если субъективность обуславливает бытийную значимость субъекта, то должны существовать формы, в которых обнаруживается эта зависимость. Каковы эти формы? С целью поиска ответа на этот вопрос обратимся к описаниям субъективности, содержащимся в работах Э. Гуссерля.

Первый атрибут субъективности – это готовность к принятию ответственной позиции, которую следует считать результатом признания первопорядковости Я. В этом случае субъективность формируется с помощью таких актов, как самопознание, самооценка, практическое самоопределение в смысле требовательности к себе и своему самосовершенствованию [30. С. 123]. Подчеркнем, что утверждение Э. Гуссерлем первопорядковости Я не означает отказ от мира, а позиционируется как условие снятия отчуждения Я, конституирования осмысленного и человекообразного мира¹⁴.

Вторая форма субъективности предстает как преодоление негаций¹⁵. При этом первый тип негаций возникает в опыте наличного бытия Я и представлен различиями между Я и предметным миром, включающим в себя Другого или Других. Действительно, последние всегда находятся «Там», а первопорядковое Я – «Здесь». Пространственная и ментальная граница между ними непреодолима, поэтому возможность интеграции Я с опытом сознания сообщества либо неочевидна, либо происходит за счет вытеснения одной из конкурирующих сторон. Как следствие, Я свойственно руководствоваться критическими соображениями относительно единичных и всеобщих установок собственного сознания. Второй тип негаций образован различными проявлениями негативных самоопределений Я, предполагающих исключение своей отрицательности. Как утверждал Э. Гуссерль, в этом случае субъективность предстает как «способность “останавливать” воздействие своих пассивных побуждений (определяя сознательно свои устремления) и предпосылки... и принимать волевое решение только на основе получившегося в результате знания о положении вещей, о возможностях, вообще могущих быть реализованными в мире, и об их соотносительной ценности» [30. С. 123]. Такое двойное отрицание не только не ограничивает позитивную продуктивность субъективности, но, наоборот, определяет возможность совершать свободные, независимые от собственной ничтожности действия.

Третья форма субъективности – это результат разумного стремления преодолеть негации и последующего наполнения субъективности позитивно расцениваемым содержанием ценностей и норм [30. С. 124]. Не останавливаясь на вопросе о конституировании этого содержания¹⁶, согласимся с мнением Э. Гуссерля о том, что именно свободное замещение негаций признанием ценностей и норм приводит к тому, что субъект начинает жить «в борьбе за “наполненную ценностями”, защищенную от обесценивания, падения ценностей, разочарования, возрастающую в своем ценностном содержании жизнь, за жизнь, которая может обеспечить согласованное и явное общее удовлетворение» [30. С. 124]. Однако в процессе свободных размышлений возможен переход к решению более сложных задач: как сделать исходный мотив «ценности личностного бытия» очевидным и понятным, как обеспечить внешнее признание достижения целевых ценностей? Это стремление к ясности и является источником норм. Как писал Э. Гуссерль, «своеобразие разумного стремления понимается как стремление придать личностной жизни форму понятности в отношении тех или иных ее позиций в суждениях, оценках или практике, и, в соответствии с ней, форму законности или разумности» [30. С. 125].

Поскольку субъективность как характеристике субъекта права присуща сущностная связь с нормами, необходимо уточнить содержание понятия нормативности. Э. Гуссерль обращается к нему в «Логических исследованиях» в связи с исследованием «первого методологического принципа» – принципа очевидности или «переживания» истины. В частности, он писал: «Переживание совпадения между мысленно по-

лагаемым и (самим) присутствующим, которое в нем подразумевается, между (актуальным) смыслом высказывания и (самим данным) положением дел есть очевидность, а идея этого совпадения есть истина» [35. С. 168]. В этом статусе принцип очевидности противопоставляется всему произвольному или случайному и приобретает нормативный смысл, производный от идеи разума и порядка. Кроме того, по мнению Гуссерля, любая норма – это определенный вид ценностного положения. Поэтому она является основанием для одобрения стремления к очевидности и признания осмысленной деятельности, а также условием отрицания и дистанцирования от любой бессмыслицы.

Итак, способность субъекта мыслить нормативным образом интегрирована в его переживание истины и стремление к осмысленному существованию. Однако возможна ли абсолютная нормативность? С одной стороны, положительный ответ на этот вопрос содержится в выделении Гуссерлем группы сопряженных норм в особое положение, которое может быть названо фундаментальной нормой. В качестве примеров такой нормы он указывает на «категорический императив в группе нормативных положений, составляющих этику Канта; таков же принцип «возможно большего счастья большего числа людей» [35. С. 55]. Но одновременно с этим Гуссерль уточняет, что абсолютна только идея нормирования (долженствования), в то время как норму отличает меняющееся содержание. Это объясняется тем, что она, будучи регулятивным принципом, конфигурирует и уравнивает значимость так-бытие мира и для-себя-самого-бытие Я. Как предмет она может быть определена в качестве полнота тождественности, который «всегда осознается вместе с некоторым предварительно подразумеваемым (vorgemeintem) и подлежащим осуществлению смыслом; в каждом моменте сознания предмет есть индекс, с присущей ему в соответствии с его смыслом ноэтической интенциональностью, которая, если возникает о ней вопрос, может быть эксплицирована» [31. С. 64]. Другими словами, субъективность как нормативность подразумевает определенность и всеобщность. Однако вследствие постоянного трансцендирования субъективности неизбежны «сдвиги» ее смыслового горизонта.

Итак, предложенное феноменологическое исследование субъективности как интегративной характеристики Я позволяет существенно расширить границы традиционной трактовки понятия субъекта права. Не претендуя на формально-логическую дефиницию, можно утверждать, что субъект права – это интегративная дескрипция потенциальных и актуальных данностей правосознания. А имеющие место в юриспруденции отождествления или подмены понятий «субъект права», «лицо», «правовая личность», «правосубъектность» объясняются тем, что все они являются дескрипторами правосознания, установление различий между которыми возможно с помощью феноменологической методологии. Представленные выше характеристики субъективности соответствуют этим дескрипторам. В частности, к ним можно отнести

следующие идентифицирующие позиции субъекта права:

- «быть деятелем»;
- «быть ценностью»;
- «быть первоисточником конституирования смыслов»;
- «готовность к принятию ответственной позиции»;
- «способность снятия негаций, изначально присутствующих правосознанию»;
- «способность позитивно расценивать содержание ценностей и норм»;
- «способность мыслить нормативным образом».

Права человека как актуальная субъективность и форма бытия субъекта права

Как справедливо отмечал Э. Вольф, право является промежуточным регионом, который не принадлежит ни естественно-наивной, ни чисто трансцендентальной сфере опыта. Поэтому «всяческий правовой опыт человека, находящегося в правовой установке, сомнителен, а абстрактное, действительное вне времени право вовлечено в текучую социальную действительность соразмерно ее задачам, оно “зависает” (verzeitet)» [36. С. 193]. Из этого утверждения следует, что любое феноменологическое исследование правового образования, в том числе дескрипция понятия субъекта права, не может считаться завершенным без того, чтобы «превратиться в бытийствующее (Daseiende), или, как обычно говорят, “осуществиться”» [36. С. 193]. Поэтому следующим шагом должна стать проверка выводов, полученных в результате исследования понятия субъекта права за счет их соотношения с явлениями правовой жизни. Однако обращение к ее эмпирическим формам может привести к вытеснению представлений о субъективированных данностях правового субъекта. Для преодоления этой опасности необходимо найти такое правовое образование, смыслы которого в познавательном аспекте были бы подобны дескрипторам субъекта права, а в прикладном аспекте обладали бы относительной независимостью от объективного права.

Всем этим условиям отвечает такое понятие и правовое явление, как права человека. Приведем несколько аргументов в доказательство этого утверждения. Во-первых, наличие содержательно-генетической связи между понятиями «субъект права» и «права человека» доказывается тем, что права человека имманентны темпоральным процессам правосознания и включены в конституирование правового субъекта. Как следствие, понимание и возможность реализации права человека в полной мере коррелируются с признаваемым набором дескрипторов субъекта права.

Во-вторых, как справедливо утверждает Р. Бернаски, великие исторические формулировки прав человека возникли в экстремальных условиях конфликта или надвигающегося конфликта [37. Р. 228]. Действительно, они часто оказываются достаточными для заключения «перемирия»; так, будучи результатом трансцендирования к предельным представлениям о правовом субъекте, выполняют функцию общего ме-

ста в политических и правовых спорах между конфликтующими сторонами.

В-третьих, сложно найти другое такое правовое образование, которое бы не вызывало столько скепсиса и обоснованной критики, как права человека. Негативное отношение к ним обусловлено тем, что в политическом дискурсе правам человека зачастую приписываются признаки, которые не соответствуют актуальным дескрипторам субъекта права. Например, принято считать, что права человека универсальны, поскольку их бенефициаром является любой человек. Права человека фундаментальны, поэтому они защищают базовые способности, интересы и потребности человека. А так как права человека укоренены в универсальном содержании морали, они приоритетны, т.е. не могут быть отменены нормами позитивного права [38. С. 23–24]. Предметом подобных деклараций является не субъект права с его субъективными данностями, а либо какой-то конкретный человек, либо абстрактный нравственный человек.

Не удивительно, что столь неочевидные представления о правах человека вступают в противоречие с фактами правовой жизни и порождают множество вопросов. Р. Бернаскони предлагает некоторые из них: «Если права человека универсальны, то почему Соединенные Штаты настаивают на том, что они обнаружили их, требуют неоспариваемого владения, а также привилегированного их понимания? Если эти права являются неотъемлемыми и неотчуждаемыми, то почему так часто они сопровождаются массовыми исключениями из правил [37. Р. 228]? К этим вопросам можно добавить еще и вопросы о том, насколько права человека являются тотально необходимыми для народов, правовая культура которых не приемлет западноевропейские правовые ценности? Почему национальные и международное законодательства защищают права граждан, а не людей вообще?

Наличие этих вопросов доказывает, что в настоящее время права человека зачастую реализуются в искаженном виде, провоцируя девальвацию заложенных в них данностей субъекта права. Для выхода из сложившейся ситуации Р. Бернаскони, вслед за Х. Арндт, Ю. Кристевой и Дж. Агамбенем, предлагает пересмотреть дискурс о правах человека. Думается, что такое решение не соответствует остроте проблем реализации прав человека. Поскольку «ниже поверхности юридических заявлений и судебных решений лежит, тем не менее, умственная деятельность, составляющая правовой опыт» [11. Р. 11], то и основания смысловых и фактических противоречий прав человека следует искать в области сознания правового субъекта. Поэтому наиболее продуктивной представляется точка зрения Р. Алекси, который считает, что права человека являются лишь соображениями, которые могут быть вытеснены другими соображениями [39. Р. 57]. Причем процесс конституирования прав человека является рекурсивным, т.е. возвращающимся к исходным ее данностям субъекта права. Подчеркнем, что данная точка зрения не совпадает с обоснованием этих прав в реформаторских теориях XVII и XVIII вв., которые строились на утверждении о том, что конкретные социально-экономические и

политические факторы обусловили возникновение прав человека и основные направления их развития.

Правильность предлагаемой позиции подтверждается историей прав человека, а именно содержательно-генетической логикой становления ее этапов. Каждое из четырех этих этапов (поколений) – это новый горизонт жизни сознания субъекта права. Заметим, что процесс конституирования прав человека является рекурсивным, возвращающим к исходным ее данностям. В частности, четвертое поколение – соматические права человека¹⁷, не только являются манифестом постмодернистской свободы субъекта права, но и возрождают на новом уровне архаические представления о человеческом теле. С одной стороны, соматические права противостоят политической ангажированности привычных представлений о человеческом теле, нивелируют власть государства над его жизнью и смертью, борются с законностью насилия и безнаказанности убийства в случае суверенного решения [43. С. 92–109]. В этом аспекте они направлены на разрешение изначального конфликта между биологической жизнью (zoë) человека и политической жизнью (bios) гражданина. С другой стороны, кроме права на жизнь и права распоряжаться своим телом, соматические права включают в себя такие личные права, которые всегда будут реализовываться как преодоление негаций правосознания: право на трансплантацию органов, право на изменение пола, эвтаназию и т.д. Их неоднозначность становится все более очевидной в условиях возрастающего влияния на тело человека информационных, биологических и медицинских технологий. Изменения, происходящие при этом в правосознании, обусловлены конституированием человеческой природы посредством ее определения в границах тела, что задает проблему прав человека в поле биологических смыслов, распределенных между крайними точками жизни и смерти [44. С. 5].

В современном мире стремление субъекта права к осмысленной правовой жизни подвергается еще одному серьезному испытанию. Требуя от государства и общества суверенитета его самозаконности, т.е. «запрещая спасать человека от него самого, право всегда и неминуемо означает право на безнравственность» [45. С. 52]. Именно поэтому последние поколения права человека реализуются таким образом, что расширяют границы дозволенного вплоть до их фактического совмещения с границами свободы. Под свободой в данном случае понимается экзистенциальное должествование, реализующееся «за счет непосредственной связи с будущим, запущенным самим собой с целью воплощения заранее задуманных возможностей...» [46. С. 415].

В этой связи вызывает сомнение правильность принятого в классической теории права деления прав человека на позитивные (фиксирующие обязанности юридических лиц предоставлять физическому лицу условия для осуществления незапрещенных законом действий) и негативные (определяющие обязанности юридических лиц воздерживаться от тех или иных действий по отношению к физическому лицу). Является спорной и попытка сохранить представление о производности этих правовых образований от деятельности государства и позитивного права. Такое

деление является следствием антиномии, заложенной во Всеобщую декларацию прав человека, которая была написана как «документ, в котором страны обязались защищать права отдельных лиц против своих правительств, тем не менее это было написано этими правительствами» [37. Р. 233].

Думается, что наиболее точно идея упорядоченного разнообразия прав человека выражена в ранее упоминавшейся типологии абсолютных и относительных прав А. Райнаха. Он исходил из того, что абсолютное право уже имеется у лица, оно непосредственно связано с его действиями и не предполагает наличия других лиц. Иными словами, абсолютное право – это представление о чистой субъективности. Относительное право же возникает вследствие обещаний, передачи полномочий или представительствующего акта и, следовательно, обусловлено волей и действиями других лиц. Однако относительные права являются не более чем ипостасью абсолютных прав, так как «положение “Nemo plus iuris ad alium transferre potest quam ipse habet”¹⁸ выражает, конечно, априорную истину» [27. С. 235]. Как видим, и в том и в другом случае в качестве источника права А. Райнахом полагается субъективность, а не внешние по отношению к субъекту права факторы. В этом

контексте права человека предстают как одно из конститутивных правовых образований развивающейся субъективности.

Поводя итоги феноменологического переосмысления понятия «субъект права», можно утверждать, что субъект права – это не конкретный человек, а права человека – это не притязания и требования частного лица. И то и другое представляет собой правовые образования, созданные мыслительной деятельностью Я как идеи телесно-духовного существа. Соответствующее этой идее понятие «субъект права» выражает один из манифестных образов человека в мире, который конституируется согласно собственной логике. Этим объясняются лингвистическая декларативность и логическая неопределенность данного понятия. Однако они могут быть устранены с помощью феноменологической редукции установок классической науки о праве и дескрипции проявлений субъективности как смысловых характеристик субъекта права¹⁹. Последние следует рассматривать еще и в качестве критериев осмысленности правовой жизни. Кроме того, предложенная трактовка понятия субъекта права призвана показать актуальность социальных практик, направленных на эмансипацию правосознания и разумное решение проблем реализации прав человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробный анализ истории, современного научного статуса и подходов к определению понятия субъекта права: [1].

² Заметим, что в гражданском праве понятие субъекта права используется не как результат предельного обобщения, а как родовое понятие, включающее в свой объем понятия «физическое лицо» и «юридическое лицо» и выражающее «ценность хозяйственного самоопределения отдельных лиц и союзов частно-правового характера» [2. С. 85].

³ Юридическая догматика сложилась еще в XI–XIV вв. благодаря школам глоссаторов и постглоссаторов, деятельность которых была направлена на толкование Дигест Юстиниана, выявление и классификацию основных понятий и разработку правил их использования. Созданный ими логически структурированный корпус знаний стал основным дидактическим материалом для подготовки первых юристов. Таким образом, в результате интеграции науки и образования была сформирована не только догма права как историческое выражение римского юридического мышления, но и профессиональное мышление юристов и принципы юридического познания (см. подробнее: [4]).

⁴ Кроме трудов Г.Л.А. Харта критике логико-дескриптивных трактовок понятий и суждений юридического языка посвящены следующие исследования: [5–10].

⁵ См. подробнее: [1. С. 11–12].

⁶ См. подробнее: [22. С. 26–27].

⁷ См., например: [16. С. 454; 23. С. 276; 24. С. 457].

⁸ Г. Еллинек определял субъект права с помощью таких понятий как «созданная волею правопорядка способность», «правовое отношение» [26. С. 182–183]. Для Г.Ф. Шершеневич субъект права – это «прием юридической техники», «создание объективного права», «юридические точки, к которым нормами объективного права прикрепляются субъективные права» [17. С. 586].

⁹ Как писал А. Райнах, «не только ложно, но и по своему последнему основанию бессмысленно считать правовые образования творениями позитивного права, столь же бессмысленно, как называть основание немецкого государства или другое историческое событие творением исторической науки» [27. С. 156].

¹⁰ Эта книга явилась ответом А. Райнаха на изменения в Германском гражданском уложении (Bürgerliches Gesetzbuch), произошедшие в 1900 г. В ней он «представил философскую, а точнее, феноменологическую аргументацию для возвращения и признания чего-то похожего на старую, естественно-правовую идею справедливости. В частности, он показал то, что справедливость следует рассматривать в контексте понимания трансцендентного единства или гармонии, которые существовали в мире, деятельности мышления, которая позволяет понять это единство, а не то, что достигается исключительно через кодификацию» [28. Р. 118].

¹¹ А. Райнах использует не понятие «правового субъекта» или «субъекта права», а утверждавшее в гражданском праве понятие «лицо»: «Требование и обязательство всеобщим и необходимым образом предполагают *носителя*, лицо, чьим требованием и обязательством они являются. ...В качестве носителей здесь, согласно сущностному закону, предполагаются *лица*; само собой разумеется, не каждый субъект или Я является лицом» [27. С. 165].

¹² Подчеркнем, что исследование А. Райнаха направлено не на конкретные психофизиологические существа, а на темпоральные правовые образования.

¹³ Косвенное подтверждение этой гипотезы находим в следующем феноменологическом аргументе Н.Н. Алексеева: «Из всех существующих теорий лица как деятеля более всего приближаются к высказанному нами взгляду те, которые отождествляют лицо с деятельным, актуальным или чистым сознанием» [2. С. 89].

¹⁴ См. подробнее: [33. С. 67].

¹⁵ См. подробнее: [33. С. 69–79].

¹⁶ См. подробнее: [34].

¹⁷ Соматические права представляют собой группу прав личности, связанную с физическим существованием и распоряжением своим телом. См. подробнее: [40–42].

¹⁸ «Никто не может передать другому больше прав, чем имел бы сам» (перевод с лат.).

¹⁹ Автор статьи отдает себе отчет в пределах применения феноменологической методологии к исследованию права и солидарен с точкой зрения о том, что «юридическая феноменология может меньше предложить на пути определений закона, но... гораздо больше в плане пути понимания, придания значения и критического мышления о праве» [11. Р. 6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипов С.И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб. : Юридические центр Пресс, 2004. 469 с.
2. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб. : Лань, 1999. 251 с.
3. Бергель Ж.-Л. Общая теория права. М. : Nota bene, 2000. 576 с.
4. Тарасов Н.Н. Юридическая наука: границы и проблемы самоопределения (методологические эскизы) // Российский ежегодник теории права № 2. СПб. : Издательский дом СПбГУ, 2011. С. 627–663.
5. Харт Г.Л.А. Приписывание ответственности и прав // Юриспруденция в поисках идентичности : сб. ст., переводов. Самара : СаГА, 2010. С. 242–270.
6. Раз Дж. Возможна ли теория права? // Российский ежегодник теории права. 2009. № 2. СПб. : Издательский дом СПбГУ, 2011. С. 158–185.
7. Бикс Б. Правовая теория: типы и цели // Юриспруденция в поисках идентичности : сб. ст., переводов, рефератов. Самара : Самар. гуманит. акад., 2010. С. 186–198.
8. Шауэр Ф., Спелман Б.А. Калибровка юридических суждений // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11, № 3. С. 208–226.
9. Endicott T.A.O. Herbert Hart and the Semantic Sting // Legal Theory. 1998. Vol. 4, No 9. P. 283–300. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1352325200001038> Published online: 16 February 2009
10. Marmor A. Interpretation and Legal Theory. Oxford; Portland : Hart Publishing, 2005. 179 p.
11. Schiff D. Phenomenology and Jurisprudence // Liverpool Law Review. A Journal of Contemporary Legal and Social Policy Issues. 1982. Vol. IV. P. 5–18.
12. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания. М. : Академический проект, 2011. 565 с.
13. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная философия. Введение в феноменологическую философию. СПб. : Фонд Университет; Владимир Даль, 2004. 398 с.
14. Дювернуа Н.Л. Из курса лекций по гражданскому праву: Введение и часть общая (учение о лицах). СПб. : Типо-лит. А.Е. Ландау, 1895. 550 с.
15. Дернбург Г. Пандекты. Т. 1: Общая часть. М. : Изд-во Унив. тип., 1906. 481 с.
16. Кельзен Г. Чистое учение о праве: Введение в проблематику науки о праве // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4. СПб. : Университетский издательский консорциум, 2012. С. 418–498.
17. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М. : Издание Бр. Башмаковых, 1910. 839 с.
18. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д. : Феникс, 1995. 640 с.
19. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М. : Статут, 2000. 777 с.
20. Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 1: Введение и часть общая. Вып. 2. Лица. Вещи. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. 446 с.
21. Чиркин В.Е. Юридическое лицо публичного права // Журнал российского права. 2005. № 5. С. 16–26.
22. Чиркин В.Е. Юридическое лицо публичного права. М. : Норма, 2007. 352 с.
23. Алексеев С.С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. Т. 1: Основные вопросы общей теории социалистического права. Свердловск : Свердлов. юрид. ин-т, 1972. 396 с.
24. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Т. 1: Общая часть. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. 793 с.
25. Андрианов Н.В. Правосубъектность: резоны и ризомы // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. СПб. : ООО «Университетский издательский консорциум», 2009. С. 357–371.
26. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. 752 с.
27. Райнах А. Априорные основания гражданского права // Райнах А. Собрание сочинений. М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 153–326.
28. Baltzer-Jaray K. Phenomenological Jurisprudence: A Reinterpretation of Adolf Reinach's *Jahrbuch* Essay // Phenomenology for the Twenty-First Century. Palgrave Macmillan, London, 2016. P. 117–137.
29. Конрад-Мартинус Х. Введение // Собрания сочинений. М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 9–42.
30. Гуссерль Э. Статьи об обновлении // Вопросы философии. 1997. № 4. С. 109–135.
31. Гуссерль Э. Картезианские медитации. М. : Академический проект, 2010. 229 с.
32. Гуссерль Э. Парижские доклады // Гуссерль Э. Избранные работы. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 341–376.
33. Пантыкина М.И. Условия позитивности правосознания в контексте феноменологии Э. Гуссерля // Вопросы философии. 2018. № 1. С. 66–77.
34. Пантыкина М.И. Аксиология нормы // Общетеоретический и отраслевой аспекты норм права. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 29–65.
35. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. I: Прологомены к чистой логике. М. : Академический Проект, 2011. 253 с.
36. Вольф Э. Право и мир (замечания по поводу одноименного сочинения Герхарта Гуссерля) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 3. С. 189–206.
37. Bernasconi R. Toward a Phenomenology of Human Right // Political Phenomenology. Contributions To Phenomenology. Publishing Switzerland, 2016. P. 227–239.
38. Алекси Р. Существование прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 4. С. 21–32.
39. Alexy P. A Theory of Constitutional Rights. Oxford University Press, 2010. 462 p.
40. Абашидзе А.А., Солнцев А.М. Новое поколение прав человека: соматические права // Московский журнал международного права. 2009. № 1 (73). С. 69–81.
41. Крусс В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 43–50.
42. Лаврик М.А. К теории соматических прав человека // Сибирский юридический вестник. 2005. № 3. С. 16–26.
43. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М. : Европа, 2011. 256 с.
44. Бушмакина О.Н. Онтологический статус проблемы прав человека // Вестник Удмуртского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 25, вып. 2. С. 5–14.
45. Соловьев Э.Ю. От обязанности к призванию // Одиссей. Человек в истории. 1990. М. : Наука, 1990. С. 48–55.
46. Коссио К. Интуиция, мышление и знание в сфере права // Российский ежегодник теории права. 2009. № 2. СПб. : Изд. дом СПбГУ, 2011. С. 407–428.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 14 октября 2019 г.

The Concept “Subject of Law”: An Attempt of a Phenomenological Rethinking

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 81–91.

DOI: 10.17223/15617793/453/10

Marina I. Pantykina, Togliatti State University (Togliatti, Russian Federation). E-mail: pantykina@tltu.ru

Keywords: Husserl; Reinach; phenomenology of law; subject of law; subjectivity; human rights.

Rethinking the concept “subject of law” is the problem of this article. Despite the existence of an established general theory of the subject of law, there is a problem of establishing the semantic boundaries of this concept. The author suggests using H. L. A. Hart’s principle of revocability of legal concepts and finding a methodological approach that would allow to solve the problem. E. Husserl’s phenomenology was chosen as such an approach. Based on the Husserlian criticism of classical Western European science and the revealed contradictions in the studies on the history of the formation of the concept “subject of law” (N.L. Duvernois, H. Dernburg, G.F. Shershenevich, M.F. Vladimirov-Budanov, H. Kelsen), a conclusion is made about the limited traditionalism of the principle of historicism and the formal logical approach. Using the phenomenology of law by Adolf Reinach and N.N. Alekseeva, the author reveals the semantic horizons of the concept “subject of law”. As a result, the author claims that the concept is not factual, but constitutive, derived from the possible interpretations of the versions of thingness of law. In addition, the analysis of phenomenological concepts revealed the need to correlate the concept of law with the concept of subjectivity, which includes the given subject of law in terms of aspects of its activities. Next, using phenomenological reduction, the initial semantic basis of the subjectivity of the subject of law is additionally analyzed. Husserl’s method of description helped identify the following identifying characteristics (descriptors) of the subject of law: to be an actor; to be a value; to be the primary source of the constitution of meanings; to be ready to take a responsible position; to be able to remove the negativity that was originally inherent in legal awareness; to be able to positively assess the content of values and norms; to be able to think in a normative way. The validity of the findings is verified by extrapolating them to the study of the concept “human rights”. It is proved that a genetic content connection exists between the concepts “human rights” and “subject of law”. Using materials from studies by Adolf Reinach, Robert Bernasconi, Giorgio Agamben, Hannah Arendt, Robert Alexy, and also on the basis of a comparative analysis of human rights generations, it is argued that the source of human rights is subjectivity, not factors external to the subject of law. In this context, human rights appear as one of legal formations created by the mental activity of “I” as an idea of a material-spiritual entity and expressing one of the manifest images of the human in the world.

REFERENCES

1. Arkhipov, S.I. (2004) *Sub'ekt prava: teoreticheskoe issledovanie* [Subject of Law: A Theoretical Study]. St. Petersburg: Yuridicheskie tsentr Press.
2. Alekseev, N.N. (1999) *Osnovy filosofii prava* [Fundamentals of the Philosophy of Law]. St. Petersburg: Lan'.
3. Bergel, J.-L. (2000) *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Translated from French. Moscow: Nota bene.
4. Tarasov, N.N. (2011) Yuridicheskaya nauka: granitsy i problemy samoopredeleniya (metodologicheskie eskizy) [Jurisprudence: Boundaries and Problems of Self-Determination (Methodological Sketches)]. In: *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava* [Russian Yearbook of the Theory of Law]. Is. 2. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 627–663.
5. Hart, H.L.A. (2010) Pripisyvanie otvetstvennosti i prav [The Ascription of Responsibility and Rights]. Translated from English. In: Kasatkin, S.N. (ed.) *Yurisprudentsiya v poiskakh identichnosti: sb. st., perevodov* [Jurisprudence in Search of Identity: Articles, Translations]. Samara: Samara Academy for the Humanities. pp. 242–270.
6. Raz, J. (2011) Vozmozhna li teoriya prava? [Can There Be a Theory of Law]. Translated from English. In: *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava* [Russian Yearbook of the Theory of Law]. Is. 2. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 158–185.
7. Bix, B. (2010) Pravovaya teoriya: tipy i tseli [Legal Theory: Types and Purposes]. Translated from English. In: Kasatkin, S.N. (ed.) *Yurisprudentsiya v poiskakh identichnosti: sb. st., perevodov* [Jurisprudence in Search of Identity: Articles, Translations]. Samara: Samara Academy for the Humanities. pp. 186–198.
8. Schauer, F. & Spellman, B.A. (2017) Calibrating Legal Judgments. Translated from English. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava – Actual Problems of Economics and Law*. 11 (3). pp. 208–226. (In Russian). DOI: 10.21202/1993-047X.11.2017.3.208-226
9. Endicott, T.A.O. (1998) Herbert Hart and the Semantic Sting. *Legal Theory*. 4 (9). pp. 283–300. DOI: 10.1017/S1352325200001038
10. Marmor, A. (2005) *Interpretation and Legal Theory*. Oxford; Portland: Hart Publishing.
11. Schiff, F. (1982) Phenomenology and Jurisprudence. *Liverpool Law Review*. IV. pp. 5–18.
12. Husserl, E. (2011) *Logicheskie issledovaniya* [The Logical Investigations]. Vol. II. Pt. 1. Translated from German by V.I. Molchanov. Moscow: Akademicheskii projekt.
13. Husserl, E. (2004) *Krizis evropeyskikh nauk i transtsendental'naya filosofiya. Vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu* [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology: An Introduction to Phenomenological Philosophy]. Translated from German. St. Petersburg: Fond Universitet; Vladimir Dal'.
14. Duvernois, N.L. (1895) *Iz kursa lektsiy po grazhdanskomu pravu. Vvedenie i chast' obshchaya (uchenie o litsakh)* [From a Course of Lectures on Civil Law: Introduction and the General Part (Doctrine of Persons)]. St. Petersburg: Tipo-lit. A.E. Landau.
15. Dernburg, H. (1906) *Pandekty* [Pandectas]. Translated from German by H. von Rechenberg. Vol. 1. Moscow: Izd-vo Univ. Tip.
16. Kelsen, H. (2012) Chistoe uchenie o prave: Vvedenie v problematiku nauki o prave [The Pure Theory of Law: Introduction to the Problems of Legal Theory]. Translated from German. In: *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava. 2011* [Russian Yearbook of the Theory of Law. 2011]. Is. 4. St. Petersburg: Universitetskii izdatel'skiy konsortsium. pp. 418–498.
17. Shershenevich, G.F. (1910) *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Moscow: Izdanie Br. Bashmakovykh.
18. Vladimirov-Budanov, M.F. (1995) *Obzor istorii russkogo prava* [Overview of the History of Russian Law]. Rostov-on-Don: Feniks.
19. Ioffe, O.S. (2000) *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: Iz istorii tsivilisticheskoy mysli. Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii "khozaystvennogo prava"* [Selected Works on Civil Law: From the History of Civil Law Thought. Civil Relationship. Criticism of the Theory of “Economic Law”]. Moscow: Statut.
20. Duvernois, N.L. (1902) *Chteniya po grazhdanskomu pravu* [Civil Law Readings]. Vol. 1. Is. 2. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
21. Chirkin, V.E. (2005) Yuridicheskoe litso publichnogo prava [The Legal Entity of Public Law]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 5. pp. 16–26.
22. Chirkin, V.E. (2007) *Yuridicheskoe litso publichnogo prava* [The Legal Entity of Public Law]. Moscow: Norma.
23. Alekseev, S.S. (1972) *Problemy teorii prava: kurs lektsiy: v 2 t.* [Problems of the Theory of Law: Lectures: In 2 Vols]. Vol. 1. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute.
24. Gambarov, Yu.S. (1911) *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
25. Andrianov, N.V. (2009) Pravosub'ektnost': rezony i rizomy [Legal Personality: Reasons and Rhizomes]. In: *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava* [Russian Yearbook of the Theory of Law]. Is. 1. St. Petersburg: Universitetskii izdatel'skiy konsortsium. pp. 357–371.
26. Jellinek, G. (2004) *Obshchee uchenie o gosudarstve* [General Theory of State]. Translated from German. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr-Press.
27. Reinach, A. (2001) Apriornye osnovaniya grazhdanskogo prava [The a Priori Foundations of the Civil Law]. In: *Sobranie sochineniy* [Collection of Works]. Translated from German by V. Kurennoy. Moscow: Dom intellektual'noy knigi. pp. 153–326.
28. Baltzer-Jaray, K. (2016) Phenomenological Jurisprudence: A Reinterpretation of Adolf Reinach’s Jarhrbuch Essay. In: Simmons, J.A. & Hackett, J.E. (eds) *Phenomenology for the Twenty-First Century*. London: Palgrave Macmillan. pp. 117–137.

29. Conrad-Martius, H. (2001) Vvedenie [Introduction]. In: Reinach, A. *Sobranie sochineniy* [Collection of Works]. Translated from German by V. Kurennoy. Moscow: Dom intellektual'noy knigi. pp. 9–42.
30. Husserl, E. (1997) Stat'i ob obnovlenii [Articles on Renewal]. Translated from German. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 4. pp. 109–135.
31. Husserl, E. (2010) *Kartezianskie meditatsii* [Cartesian Meditations]. Translated from German by V.I.Molchanov. Moscow: Akademicheskii proekt.
32. Husserl, E. (2005) *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Translated from German by A.V. Mikhaylov. Moscow: Izdatel'skiy dom "Territoriya budushchego". pp. 341–376.
33. Pantykina, M.I. (2018) Conditions of Positivity of Legal Consciousness in the Context of the Phenomenology of E. Husserl. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 1. pp. 66–77.
34. Pantykina, M.I. (2018) Aksiologiya normy [Axiology of the Norm]. In: Khachaturov, R.L. (ed.) *Obshcheteoreticheskiy i otraslevoy aspekty norm prava* [General Theoretical and Industry Aspects of the Rule of Law]. Moscow: Yurlitinform. pp. 29–65.
35. Husserl, E. (2011) *Logicheskie issledovaniya* [Logical Investigations]. Vol. I. Moscow: Akademicheskii Proekt.
36. Vol'f, E. (2015) Law and World (Remarks on the Book of Gerhart Husserl of the Same Name). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie – Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 3. pp. 189–206. (In Russian).
37. Bernasconi, R. (2016) Toward a Phenomenology of Human Right. In: Jung, H.Y. & Embree, L. (eds) *Political Phenomenology*. Springer International Publishing Switzerland. pp. 227–239.
38. Alexy, R. (2011) Sushchestvovanie prav cheloveka [The Existence of Human Rights]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie – Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 4. pp. 21–32.
39. Alexy, P. (2010) *A Theory of Constitutional Rights*. Oxford University Press.
40. Abashidze, A.A. & Solntsev, A.M. (2009) New Generation of Human Rights: Somatic Rights. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava – Moscow Journal of International Law*. 1 (73). pp. 69–81. (In Russian).
41. Kruss, V.I. (2000) Lichnostnye ("somaticheskie") prava cheloveka v konstitutsionnom i filosofsko-pravovom izmerenii: k postanovke problemy [Personal ("Somatic") Human Rights in the Constitutional and Philosophical and Legal Dimensions: On the Formulation of the Problem]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 10. pp. 43–50.
42. Lavrik, M.A. (2005) The Theory of Somatic Human Rights. *Sibirskiy yuridicheskii vestnik – Siberian Law Herald*. 3. pp. 16–26. (In Russian).
43. Agamben, G. (2011) *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life]. Translated from Italian. Moscow: Evropa.
44. Bushmakina, O.N. (2015) The Ontological Status of the Human Rights Issue. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika – Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 25 (2). pp. 5–14. (In Russian).
45. Solov'ev, E.Yu. (1990) Ot obyazannosti k prizvaniyu [From Duty to Call]. In: Gurevich, A.Ya. (ed.) *Odissey. Chelovek v istorii. 1990* [Odysseus. Man in History. 1990]. Moscow: Nauka. pp. 48–55.
46. Cossio, C. (2011) Intuitsiya, myshlenie i znanie v sfere prava [Intuition, Thought, and Knowledge in the Domain of Law]. Translated from English. In: *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava. 2009* [Russian Yearbook of the Theory of Law, 2009]. Is. 2. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 407–428.

Received: 14 October 2019